

Наибольший интерес, однако, представляют те приводимые Бакиром факты, которые показывают, что и самые настоящие рабы — *ḥm* могли жениться на свободных женщинах (стр. 82, 89, 98), выступать в суде в качестве свидетелей для дачи показаний даже против своих господ (стр. 90), могли жить в поселениях (*n:wt*) наряду со свободными и обладать имуществом (стр. 87; 97; 98), могли владеть землей с правом свободного распоряжения ею (стр. 85—86).

Так, упомянув о папирусе Вильбура, в котором перечисляются, наряду со свободными, также и рабы *ḥm* в качестве частных пользователей или даже владельцев земли (они могли ее передавать по наследству), Бакир дает перевод впервые издаваемой им исключительно важной иератической стелы Каирского музея $\frac{27|6}{24|3}$ ⁵. В тексте стелы рассказывается о том, как одна рабыня [*ḥm(t)*], жительница поселения (*n:wt*) предложила своему господину — простому сандалящику — купить у нее участок земли, дабы ей не пришлось его продать постороннему человеку; здесь же упоминается раб (*ḥm*), носильщик по ремеслу, который потребовал от своего господина причитающееся ему за проданную землю золото; кроме того, приводится обращение рабыни (*ḥmt*) к своей госпоже с предложением продать ей участок земли (см. стр. 85—86).

Все эти данные выглядят несколько необычно и заставляют поставить вопрос, чем же было вызвано появление в Египте столь своеобразных форм рабства. Проф. Бакир, основываясь исключительно на соображениях юридического характера, естественно, ограничивается по этому поводу замечанием, что, по-видимому, это результат развития к эпохе Нового царства идеи права (стр. 64). Действительная причина, разумеется, значительно сложнее и может быть понята только при учете всех особенностей общественного развития древнего Египта. Нам представляется, что автор правильнее подходит к этому вопросу в первой главе своей работы, где он указывает, что специфика экономики страны (ирригационное земледелие) не способствовала проведению резкой грани между рабами и формально свободными, хотя и зависимыми в той или иной форме людьми (стр. 7). По нашему мнению, в Египте вначале элементы рабства были развиты слабо, в эпоху Нового царства они значительно усилились. Однако постоянно сохранялось сильное воздействие на жизнь всего общества общинных отношений, отношений, сближавших формально свободных трудящихся египтян с рабами. Можно полагать также, что ограниченное развитие частной собственности и товарно-денежных отношений не позволяло использовать захваченных на войне рабов в качестве рабов античного типа, превращавшихся в одушевленный инструмент; в этих условиях, по нашему мнению, для рабовладельцев было выгоднее использовать часть рабов в качестве своеобразных зависимых земледельцев. Весь собранный в работе проф. Бакира обильный фактический материал подкрепляет, как нам кажется, данный вывод.

В заключение надо сказать, что рецензируемый труд крупного египетского ученого, обобщивший как ранее известные, так и отчасти вновь собранные данные источников, представляет собой ценное исследование, материалы и выводы которого подтверждают многие основные положения, выдвинутые в нашей науке, относительно характера древнеегипетского общества, специфики и путей развития древнеегипетского рабовладения.

И. А. Стучевский

S. N. KRAMER, From the tablets of Sumer. Indian Hills, Colorado, The Falcon's Wing Press, 1956, XXV, 293 стр., 40 табл., 80 илл.

Новый труд С. Н. Крамера, одного из крупнейших специалистов в области шумерологии, можно, в известном смысле, рассматривать как итог его 25-летней работы над изучением памятников шумерской литературы. Автор поставил своей целью ознако-

⁵ См. в приложении таблицы III и IV.

мить широкие круги читателей с «замечательными результатами, изложенными в специальных шумерологических исследованиях и публикациях» (стр. VII), показать читателям «духовные и культурные достижения одной из древнейших и наиболее творческих человеческих цивилизаций» (там же). Предельная простота и ясность изложения, выразительный язык, богатый подбор иллюстраций позволили автору блестяще справиться с поставленной задачей. Вместе с тем, книга не теряет научного характера: автор излагает содержание ряда еще не опубликованных памятников шумерской литературы, высказывает новые идеи относительно ряда проблем.

Книга состоит из 25 этюдов, посвященных различным аспектам социальной и культурной жизни Шумера. Государственный строй, социальные реформы, межгосударственные отношения и законодательство охарактеризованы в главах: «Управление: первый двухпалатный конгресс», «Социальные реформы: первый случай снижения налогов» (речь идет о реформах Урукагины), «Гражданская война в Шумере: первый историк» (о тексте, описывающем пограничный спор между Лагашем и Уммой), «Международные отношения: первая война нервов», «Свод законов: первый „Моисей“» (о законах Ур-Намму), «Судопроизводство: первый судебный прецедент». Труды земледельцев посвящены два небольших этюда: «Сельское хозяйство: первый „крестьянский календарь“» и «Садоводство: первый опыт выращивания огорода под защитой деревьев». Медицине, школьному образованию и организации библиотек посвящены главы «Медицина: первая фармакопея», «Образование: первые школы», «Школьная жизнь: первый случай „подхалимажа“» и «Список книг: первый библиотечный каталог».

Эпические, космологические и религиозные представления шумерийцев, их фольклор, лирические песни и эпические сказания нашли отражение в главах «Философия: первые космогонические и космологические представления человека», «Этика: первые моральные идеалы», «Страдание и подчинение: первый Иов», «Мудрость: первые пословицы и поговорки», «Логомахия: первые литературные дебаты», «Рай: первые библейские параллели», «Потоп: первый Ной», «Преисподняя: первое сказание о воскрешении», «Убийство дракона: первый „Св. Георгий“», «Сказание о Гильгамеше: первый случай литературного заимствования», «Эпическая литература: первый героический век человечества» и «Мировой порядок и гармония: первый „золотой век“ людей».

Наконец, в приложении (Appendix A) кратко охарактеризована табличка, на которую нанесена первая известная в истории науки карта, выдержанная в определенном масштабе — план города Ниппура, с его стенами, важнейшими зданиями, рекой и каналами.

Несколько поражает слишком крикливый, «рекламный», даже для популярной книги, характер заголовков, рассчитанный на наивное преклонение публики перед словами «первый (в мире)». Такие названия, как «Первая война нервов» и «Первый двухпалатный конгресс», дополненные рассуждениями о пяти тысячелетней давности «политики с позиций силы» (стр. 15) и «западной демократии» (стр. 26), отдают грубой модернизацией, свойственной многим американским авторам. Стремление к модернизации заметно в книге не только при характеристике политической жизни, но и в изображении, по существу, еще примитивных, религиозно-философских и космогонических представлений шумерийцев (глава 12).

И, однако, глубокое знание автором шумерской литературы, наука о которой создана, по существу, трудами самого Крамера, остроумная интерпретация труднейших для понимания шумерских текстов, широкий охват самых разнообразных явлений культурно-исторической жизни Шумера, стремление автора показать достижения шумерской цивилизации в их исторической перспективе — все это делает новую работу Крамера одной из лучших книг, посвященных древнейшему государству Востока.

Объем настоящей рецензии не позволяет нам изложить содержание каждой из 27 глав книги, да в этом и нет необходимости. Преобладающее большинство глав представляет собой популярное изложение ряда специальных работ автора, крупнейшая

из которых — «Шумерская мифология»¹ — уже была критически проанализирована в советской печати². Поэтому мы остановимся лишь на тех разделах книги, где впервые публикуются новые материалы, собранные автором, дается новая интерпретация уже известных материалов или обсуждаются вопросы, представляющие кардинальный интерес для истории древней Месопотамии.

Живой картинкой школьной жизни в Шумере является переведенный С. Н. Крамером анонимный рассказ, написанный школьным учителем на рубеже III—II тыс. до н. э. Описывается обычный школьный день шумерского мальчика, усердие которого «поощрялось» главным образом палкой. Не выдержав ежедневных побоев, мальчик просит отца позвать в гости учителя, как следует угостить его и подарить ему новую одежду. Отец выполняет просьбу сына, после чего школьная жизнь становится для мальчика более сносной. Крамер рассказывает об организации учебного процесса и изучаемых в шумерской школе предметах. Отмечается, что возникновение школ связано с нуждами дворцового и храмового хозяйства в грамотных администраторах, вследствие чего шумерская школа носила светский и профессиональный характер. Основными предметами были письмо и счет; вместе с тем учащимся сообщались известные шумерийцам естественно-научные сведения. Особый интерес представляет изложение автором результатов работы Н. Шнейдера, которому удалось установить классовый состав учащихся шумерской школы: будущие писцы происходили из семей чиновников, храмовых управителей, царских посланников, городских старейшин, военачальников, сборщиков податей, надсмотрщиков, т. е. принадлежали к наиболее зажиточной и высокопоставленной части населения шумерских городов-государств.

Впервые публикуется Крамером содержание прочитанной им таблички, которая начинается словами: «В давние времена крестьянин дал эти советы своему сыну». Это «руководство», написанное, примерно, в 1700 г. до н. э., содержит последовательное описание работ земледельца, начиная с полива полей в мае — июне и кончая провеиванием собранного зерна в апреле — мае следующего года. Особое внимание в «календаре» обращается на правильный полив полей.

Впервые прочитанная Крамером шумерская поэма о невинном страдальце проникнута духом слепой покорности воле богов, составляющей неотъемлемую часть официальной шумерской религиозно-политической доктрины, согласно которой хозяевами городов Шумера были боги и их земные представители — цари; все прочее население существовало лишь для удовлетворения потребностей богов и царей и было обязано им беспрекословно повиноваться. Сюжет поэмы очень прост: жил некий богатый и благочестивый человек. Он был счастлив в кругу своей семьи и друзей. Внезапно на него обрушились несчастья. Однако он не возроптал, не отказался от повиновения богам, проводил дни в молитвах. В конце концов боги вернули ему счастье.

Крамер склонен считать идеологию рабской покорности богам характерной чертой мышления шумерийцев³. Заметим, однако, что, несмотря на, несомненно, очень сильное влияние религии на мышление всех граждан шумерских городов-государств, слепая покорность богам и царю вовсе не была абсолютной. Такой вывод можно сделать на основании изучения шумерских сказаний о Гильгамеше — например, сказания о сражении Гильгамеша с небесным быком, посланцем богов, сказание о Гильгамеше и Хуваве. Эпос о Гильгамеше, фольклорный характер которого несомненен, свидетельствует, насколько популярны были среди населения шумерских городов-государств сказания о героях, смело преступающих волю богов.

Крамер излагает содержание шумерского героического сказания о войне между Гильгамешем, царем Урука, и Аггой, царем Киша⁴. Агга присылает в Урук послов

¹ S. N. Kramer, Sumerian mythology, «Memoirs of the American philosophical society», XXI (1944).

² И. М. Дьяконов, Новые данные о шумерской культуре, ВДИ, 1947, № 2.

³ Эту же точку зрения разделяет акад. А. И. Тюменев, О предназначении людей по мифам древнего Двуречья, ВДИ, 1948, № 4.

⁴ Ср. S. N. Kramer, Gilgamesh and Agga, AJA, 53 (1949), стр. 1—18.

с целью добиться подчинения города. Гильгамеш созывает «старцев города» и обращается к ним за советом. Старейшины решают, что для города выгоднее избежать войны с Кишем и подчиниться Агге. Тогда Гильгамеш созывает «мужей города» — всех носящих оружие свободных граждан. Народное собрание решает отстаивать с оружием в руках независимость Урука.

Сравнение совета старейшин и народного собрания городов-государств III тыс. до н. э.⁵ с современным буржуазным парламентом, разумеется, необоснованно, но автор справедливо возражает против мнения об «извечности» деспотического правления в древних государствах Месопотамии, будучи солидарен здесь с исследованиями Т. Якобсена, Д. Г. Редера, И. М. Дьяконова⁶.

Интересны результаты наблюдений С. Н. Крамера над соотношением шумерских сказаний с вавилонскими литературными памятниками. Говоря об отношении вавилонского эпоса о Гильгамеше к пяти шумерским сказаниям о нем же, Крамер указывает, что в то время как шумерские сказания не связаны между собой, вавилонский эпос есть, по существу, единое целое, объединенное общей идеей и существенно отличное от шумерских сказаний⁷. Однако можно считать, что общие для шумерского и вавилонского эпоса эпизоды («потоп», «борьба с небесным быком» и некоторые другие) восходят к шумерским прототипам.

Крамер выдвигает тезис о глубоком влиянии шумерских литературных прототипов, через вавилонскую литературу, на Библию⁸. В частности, он приводит шумерское сказание о «земном рае», расположенном на острове Дильмун (современные о-ва Бахрейн) — «стране жизни»⁹. Этот же тезис развивается в главе восемнадцатой («Потоп» — приводится известное сказание о Зиусудре-Утнапиштиме из «Эпоса о Гильгамеше»), в главе девятнадцатой («Преисподняя»), где излагается легенда о нисхождении богини Инанны в преисподнюю, в главе двадцать третьей («Царственный жених»), где излагается поэма о любви к царю Шу-Сину, которая была, вероятно, написана храмовой жрицей, и в главе двадцать пятой («Мировой порядок и гармония»), где излагается отрывок из поэмы «Энмеркар и владетель Аратты».

Основное внимание автора привлекает шумерский героический эпос: сказания о героях Шумера — Энмеркаре, Лугальбанде, Гильгамеше¹⁰. В этой связи С. Н. Крамер выдвигает интересную гипотезу о происхождении и развитии шумерской культуры на территории Нижней Месопотамии. Он считает, что невозможно доказать преемственность между обейдской и раннеурукской культурой, с одной стороны, и позднеурукской (уже шумерской) культурой, — с другой. Поэтому решение данной проблемы следует в настоящее время искать не в археологическом материале, а в шумерском героическом эпосе.

Однако вместо анализа фактических данных шумерского эпоса С. Н. Крамер идет по пути «стадиального» сопоставления эпохи создания шумерского эпоса с эпохой создания греческого и германского эпосов. Неизбежными чертами эпохи возникновения героического эпоса у всех народов автор считает две особенности: а) «героический век» совпадает с эпохой «национальной миграции» и б) народы «героического века»

⁵ О дате описываемых в поэме событий — S. N. Kramer, *New light on the early history of the Ancient Near East*, AJA, 52 (1948), стр. 156—164.

⁶ T. Jacobsen, *Primitive democracy*, JNES, II (1943), № 3; Д. Г. Редер, *Военная демократия на древнем Востоке*, УЗ МОПИ, XIV, Кафедра истории древнего мира, вып. 1; И. М. Дьяконов, *Государственный строй древнего Шумера*, ВДИ, 1952, № 2.

⁷ Cp. S. N. Kramer, *The epic of Gilgamesh and its Sumerian sources*, JAOS, 64 (1944), стр. 7—23.

⁸ Cp. A. Heidel, *The Gilgamesh epic and Old Testament parallels*, Chicago, 1946.

⁹ Cp. S. N. Kramer, *Dilmun, the land of the living*, BASOR, 96 (1944), стр. 18—28.

¹⁰ Cp. S. N. Kramer, *Heroes of Sumer*, «Proceedings of the American philosophical society», 90 (1946), № 2, стр. 120—130.

сохраняют примитивный племенной строй, который постепенно распадается под влиянием более цивилизованных соседей.

Основываясь на этих посылах, С. Крамер приходит к заключению, что шумерийцы не были первым населением Южной Месопотамии, что героический эпос шумерийцев складывался в период их «миграции», проникновения в Южную Месопотамию. Шумерскому периоду истории Южной Месопотамии предшествовал дошумерский, вероятно ирано-семитский период (обейдский и раннеурукский), когда в Южной Месопотамии впервые возникла городская культура и, возможно, единое государство, которое, подобно шумерскому, состояло из относительно автономных городов-государств. Этот период начался, по мнению Крамера, в первой четверти IV тыс. до н. э. Шумерийцы, которые, как полагает Крамер, проникли на территорию Южной Месопотамии из Закавказья или из Закаспия, разгромили «ирано-семитскую империю» и восприняли ее культуру (последняя четверть IV тыс. до н. э.). Только вслед затем началось развитие уже собственно шумерской культуры и цивилизации.

Таким образом, С. Н. Крамер попытался здесь подвести новую базу под теорию, выдвинутую еще в 1939 г. Шпейзером¹¹. Однако слабость доводов С. Крамера очевидна. Представление о существовании в Южной Месопотамии в эпоху энеолита, когда там едва начали складываться поселения городского типа, «ирано-семитской империи» совершенно неисторично. Гораздо более основательна точка зрения Франкфорта, отождествляющего носителей обейдской культуры с шумерийцами¹². Эта точка зрения была подкреплена последующими археологическими открытиями в Эриду¹³. Не имеет под собой почвы и предположение о закавказском или среднеазиатском происхождении шумерийцев. Вероятнее предположение о южном пути первого заселения Нижней Месопотамии¹⁴.

Среди шумерских героических сказаний, излагаемых Крамером, особый интерес представляют два сказания об Энмеркаре и «владельце Аратты», сюжет которых восходит к началу III тыс. до н. э.¹⁵ Энмеркар, один из царей Урука, задумал подчинить богатый город-государство Аратту, расположенный к востоку от Шумера, за семью горными хребтами. Аратта была богата металлом и камнем — как раз теми материалами, которых не было в Месопотамии. Энмеркар направляет в Аратту посла, который требует от владельца Аратты признать власть Энмеркара, послать в Урук золото, серебро, лазурит, драгоценные камни, строительный камень. Владелец Аратты отверг требования Энмеркара. Еще два раза посылает Энмеркар посла, угрожая владельцу Аратты гневом богини Инанны. Испуганный владелец Аратты согласился признать власть Энмеркара, но потребовал от него зерна. Энмеркар посылает в Аратту караван с зерном, требуя взамен халцедон и лазурит. Народ и старейшины Аратты, обрадовавшись зерну, послали в обмен просимое и согласились подчиниться Энмеркару. В конце концов вынужден был подчиниться и сам владелец Аратты.

Вторая поэма об Энмеркаре и владельце Аратты, в ряде положений отличающаяся от первой, содержит подробность, важную для определения местонахождения Аратты — между Уруком и Араттой было возможно сообщение на лодках.

¹¹ E. A. S p e i s e r, The beginnings of civilization in Mesopotamia, JAOS, 1939, Suppl. 4, стр. 29—31.

¹² H. F r a n k f o r t, Archaeology and the Sumerian problem, OIC, 4 (1932), стр. 18—23.

¹³ S. L l o y d, F. S a f a r, Eridu, 1947—1948, «Sumer», IV (1948), стр. 115—125; A. P e r k i n s, The comparative archaeology of early Mesopotamia, OIC, 2 (1949).

¹⁴ И. М. Дьяконов, ВДИ, 1947, 2, стр. 107. Энн Перкинс (ук. соч.), так же как Ллойд и Сафар (ук. соч.) полагает, что носители раннеобейдской культуры переселились в дельту Тигра и Евфрата из горных районов Западного Ирана.

¹⁵ Cp. S. N. K r a m e r, Enmerkar and the Lord of Aratta: a Sumerian epic tale of Iraq und Iran, Philadelphia, 1952.

В сказаниях об Энмеркаре и владетеле Аратты привлекает внимание одно из древнейших упоминаний дальней меновой торговли, которую с первых времен своего существования вынуждены были вести шумерские поселения и города для того, чтобы обеспечить себя металлом и камнем. Караваны и лодки с зерном направлялись правителями шумерских городов в весьма отдаленные области Ирана, а может быть, и Индии, где зерно обменивалось на металл, драгоценности, камень¹⁶. Понятно, что создавались весьма благоприятные условия для распространения элементов шумерской материальной культуры далеко за пределами Шумера. В связи с этим, интересно упоминание среди товаров, приобретаемых в Аратте, лазурита, единственное месторождение которого, разрабатывавшееся в древности, было расположено в Бадахшане. Лазурит чрезвычайно ценился в Шумере. В одной из поэм в честь Энлиля центральный храм Ниппура Экур назван «лазуритовым домом»¹⁷. Археологические данные указывают на значительные поступления бадахшанского лазурита в Шумер¹⁸.

Нельзя не отметить также, что археологи, работающие в юго-западных районах Средней Азии, все чаще говорят о связях неолита и ранней бронзы этой области с синхронными культурами Ирака и западного Ирана¹⁹. Конечно, очень сомнительна прямая связь столь отдаленных районов, но опосредствованные связи были, по всей вероятности, достаточно сильны.

Новый интересный материал, который вводит книга Крамера в научный обиход, делает эту книгу большим событием в развитии шумерологии. Несмотря на ряд существенных недостатков, главнейшими из которых являются модернизация некоторых аспектов трактовки шумерского эпоса как исторического источника и «рекламный» характер изложения, книга Крамера отражает большие успехи шумерологии за 25-летний период.

С. М. Бацеева

АРАБЫ В СИРИИ ДО ИСЛАМА

R. DUSSAUD. La pénétration des arabes en Syrie avant l'Islam, P., 1955, 234 стр., илл. (Institut français d'archéologie de Beyrouth. Bibliothèque archéologique et historique, т. LIX)

Новый труд Дюссо представляет итог научных исследований, проводившихся с начала двадцатого века при активном участии автора книги. Уже в результате первых лет своей деятельности Дюссо опубликовал в 1907 году работу¹, само заглавие которой почти не отличается от заглавия той, разбору которой посвящается настоящая заметка.

Эта первая работа, естественно, базировалась преимущественно на том материале, который зафиксировал во время посещения всего двух районов Южной Сирии, Сафа

¹⁶ О шумерийско-индийских связях см. S. Piggot, *Dating the Hissar Sequence — the Indian Evidence*, «Antiquity», XVII (1943), стр. 178; C. Picard, *De l'Indus aux Pays Sumerians*, RA, VI, sér. 10 (1937), стр. 253.

¹⁷ S. N. Kramer, *Sumerian theology and ethics*, «The Harvard theological review», XLIX (1956), № 1, стр. 54.

¹⁸ Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956, стр. 185, 202, 205, 210.

¹⁹ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М., 1956, стр. 60; В. М. Массон, *Джейтун и Карадепе*, СА, 1957, № 1, стр. 146—147; А. В. Виноградов, *К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры*, СЭ, 1957, № 1, стр. 44.

¹ R. Dussaud, *Les arabes en Syrie avant l'Islam*, P., 1907.